

Ишин Андрей Вячеславович,
*доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Таврического
национального университета имени В.И. Вернадского (г. Симферополь)*
Ishin Andrey Vyacheslavovich,
*Doctor of Historical Sciences, Professor of the Chair of the Russian History, Tavrida
National University named after V.I. Vernadsky (Simferopol)*

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА: ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

FEBRUARY REVOLUTION 1917 YEARS: INSTRUMENTAL ASPECT

Аннотация. В статье рассматривается один из наиболее сложных и противоречивых периодов отечественной истории. При этом автор использует широкий круг архивных материалов, позволяющих полностью раскрыть специфику государственно-политического процесса в 1917 году.

Ключевые слова: Временное правительство, инструментальное значение, кризис управления, фрагментация власти.

Extract. One of the most difficult and contradictory periods of domestic history is examined in the article. Thus an author uses the wide circle of the archived materials, allowing completely to expose the specific of state-political process in 1917.

Key words: Provisional government, instrumental value, crisis of the administration, fragmentation of the power.

Введение. События Февральской революции, повлекшие отстранение от власти Императора Николая II и формирование органов нового – Временного правительства, послужили отправной точкой в разрушении традиционной для Российской империи политической и социокультурной реальности, в кардинальной смене самой парадигмы государственного развития.

Лидеры рожденного Февралем Кабинета, а также их представители на местах не смогли превратить новообразованное правительство в эффективный орган высшего государственного управления, способный адекватно откликнуться на вызовы эпохи. Этому способствовало множество объективных и субъективных причин.

О «февральском» периоде в Тавриде существуют научные исследования, осуществленные рядом авторов, в частности, П.Н. Надинским [1], В.В. Федунным, В.И. Жуковым [2], А.Г. Зарубиным, В.Г. Зарубиным [3], В.Н. Пащенко [4] и некоторыми другими.

Вместе с тем, в настоящее время существует актуальная необходимость в качественно новом научном осмыслении обширной проблематики, связанной с деятельностью учреждений Временного правительства в Таврической губернии. В частности, в серьезном анализе нуждается широкий спектр архивных материалов, не использовавшихся ранее в исторической литературе. При этом, обоснованным представляется использование институционального подхода (в отличие от доминирующего доньше в историографии событийно-исторического), позволяющего комплексно исследовать «внутреннюю» логику принимаемых управленческих решений и их последствия, механизмы взаимодействия и взаимовлияние различных правительственных институций [5].

Изложение основного материала. По нашему убеждению, в обширной историографии по истории Февральской революции доньше не получило надлежащей оценки собственно инструментальное ее значение. Вместе с тем, немаловажно, что одной из движущих сил революционного процесса де-факто выступила значительная часть чиновничества, государственного аппарата, которая использовала революционные события для сохранения позиций при власти, собственного политического влияния, а в ряде случаев боролась за возможность последующего распределения ресурсной базы страны.

С другой стороны, уже на стадии зарождения и первоначального развития Февральскую революцию пытались использовать в геополитических целях отдельные субъекты международных отношений.

В этой связи глубоко примечательно, что, по оперативным данным контрразведывательных органов, в инструкциях, получаемых агентами германской разведки после Февральской революции, содержались прямые указания «поощрять всевозможными способами конфликты между Временным Правительством и Советом солдатских и рабочих депутатов с целью лишить Россию единого, прочного и сильного правительства; распространять среди

населения и армии мысль о заключении сепаратного мира без аннексий и контрибуций; поощрять и побуждать русских крестьян к насильственному захвату земель крупных землевладельцев с целью вызвать борьбу между крестьянами и земствами; поощрять пропаганду сепаратистских идей среди разных народностей и партий в России для раздела великой России и создания мелких государств без какой-либо политической мощи» и т.п. [6].

По сути дела, речь идет о кардинальной трансформации стратегии Германии в отношении обезглавленной вследствие Февральской революции Российской империи. Действительно, зачем утруждать себя поиском каких-то секретных документов военного характера, когда в стране полно твоих агентов, засевших во властных кабинетах и работающих на разложение армии и бесславное выведение страны-победительницы из Первой мировой войны?..

Ситуацию, сложившуюся в сфере государственного управления после Февральской революции, удивительно точно характеризуют слова генерала А.И. Деникина: «И никакой практической работы <...> заведенная бюрократическая машина, скрипя и хромая, продолжала кое-как работать старыми частями и с новым приводом...» [7].

Как справедливо замечает О. Кудинов, «в ходе революции были освобождены от занимаемых должностей генерал-губернаторы, губернаторы, градоначальники, полицеймейстеры, исправники, стантовые приставы, урядники, земские начальники с соответствующими канцеляриями и делопроизводствами, были упразднены такие местные учреждения, как полицейские управления, комитеты по делам печати, жандармские управления и охранные отделения и т. д.» [8].

Безусловно, общественно-политическую ситуацию в Петрограде в известном смысле можно экстраполировать и на Таврическую губернию, включавшую в свой состав, наряду с собственно крымскими уездами и три «материковых» уезда – Днепропровский, Мелитопольский и Бердянский.

Власть Временного правительства опиралась тут (как и в России в целом) на аппарат Таврического губернского комиссара и уездных комиссаров.

6 марта Таврическим губернским комиссаром назначается Я.Т. Харченко, 27 марта – Н.Н. Богданов (оба – известные земские деятели, возглавлявшие Губернскую земскую управу) [9].

12 марта 1917 г. Таврическим губернским комиссаром была получена из Петрограда циркулярная телеграмма: «Николай Второй уже задержан в Царском Селе точка Председатель Совета рабочих депутатов Николай Чхеидзе» [10].

16 марта 1917 г. Я.Т. Харченко телеграфировал в центр, Временному правительству: «Докладываю в губернии спокойно точка на местах приступлено к организации волостных и сельских общественных комитетов, учреждение которых населением встречается сочувственно» [11].

Впрочем, следует признать: архивные документы свидетельствуют о том, что это спокойствие было весьма относительным. 5 марта появляются слухи о «движении по улицам Феодосии пьяных толп» [12]. 6 марта 1917 года Симферопольский уездный исправник рапортовал Таврическому губернскому комиссару: «Сего числа, около 5 часов вечера, в мое отсутствие, в мою канцелярию явилось около 20 человек нижних воинских чинов, которые как в канцелярии, так и во дворе, произвели обыск, отобрали оказавшееся здесь оружие и, перерезав телефон, отправились в казарму стражи, где также перерезали телефон и обезоружили стражу, а затем, оставив здесь военный караул, удалились» [13]. 7 марта исправник Никифоров докладывает из Евпатории о намерениях «рабочего класса обезоружить чинов полиции» [14]. 9 марта Земский начальник станции Васильево (Мелитопольский уезд) телеграфирует о «состоявшемся постановлении схода его арестовать» [15] ...

Для обозначения центрального процесса переходного от Февраля к Октябрю 1917 г. исторического периода мы предлагаем использовать термин «фрагментация власти», отличая его от широко известного понятия «разделение властей». Вследствие процесса фрагментации, как в центре страны, так и в провинциях сформировалось три основных властных центра, претендующих на властную гегемонию: Временное правительство и его органы на местах, Советы рабочих и солдатских депутатов, Ставка Верховного главнокомандующего. При этом нам представляется, что термин

«фрагментация власти» в собственно историческом измерении является более универсальным, чем устоявшееся в историографии «двоевластие», так как, в отличие от последнего, учитывает политическую роль военной составляющей государственной власти.

В этой связи немаловажно, что власть комиссаров в губернии ограничивалась как центральными ведомствами, так и советами, а также Главным начальником Одесского военного округа, имевшем особые полномочия в условиях военного времени.

Процитируем некоторые показательные документы. Из телеграммы помощника Таврического губернского комиссара Бианки Главному начальнику Одесского военного округа Фелицыну от 30 августа 1917 г.: «Видах сохранения спокойствия и борьбы с контрреволюцией необходимо предоставление Вами мне права [изд]ания обязательных постановлений с карательной [сан]кцией в административном порядке прошу срочного [рас]поряжения телеграфу» [16].

В ответ Главный начальник Одесского военного округа телеграфировал: «Уполномочивать по Закону возможно лишь на наложение взыскания в административном порядке за нарушение изданных уже мною обязательных постановлений ввиду чего по вопросу об издании новых постановлений [н]адлежит каждый раз в нужных случаях входить ко мне с представлениями телеграфу» [17].

В целом ситуация в Таврии характеризовалась известной организационной неразберихой, слабостью и низкой эффективностью власти.

Весьма показательным является уникальный документ – обращение мелитопольского городского головы А. Панкеева Таврическому вице-губернатору С.В. Горчакову как раз в преддверии смены власти в губернии от 4 марта 1917 г. Процитируем его полностью:

«По окончании заседания Городской Думы 3 Марта, перенесенного на это число, так как назначенное на 28 Февраля заседание очередной Думы не состоялось за неприбытием законного числа гласных, гласный г. Степанов сделал сообщение о полученной им телеграмме относительно образования нового Правительства. По существу сообщения г. Степанова гласными было предложено

созвать совещание Думы на 5 Марта с участием представителей от различных обществ, учреждений и корпораций для разрешения вопросов, вытекающих из хода совершающихся событий. Изъявив на это свое согласие, я заявил, что мною будет послана Вашему Превосходительству телеграмма и пригласил г.г. гласных в кабинет на совещание.

Во время этого перерыва группа местных обывателей, оставшаяся в зале, по совещании, явилась в кабинет с заявлением, что в виду избрания нового Правительства «нет смысла посылать телеграмму Губернатору, так как совещание может быть созвано самим Головою или лицом по уполномочию Думы».

Пригласив собравшуюся публику занять места за столом, я пригласил г. Либерова словами: «Вот вы хотели сделать заявление, я предоставляю вам полную свободу, говорите, что вы хотите».

Г. Либеров, сильно волнуясь, обратился со следующей речью к присутствующим: «Господа, теперь в исключительное переживаемое нами время, нам говорят о какой-то власти, которая сидит в настоящее время в Петропавловской крепости, Нам об этом говорит Городской Голова, представитель местного самоуправления, это позор...»

На этом слове я прервал г. Либерова заявлением, что я пригласил говорить о деле, но не оскорблять, я не разрешаю заседания и ухожу.

С этими словами я и большинство гласных оставило зал заседания, и речь Либерова осталась неоконченной.

На другой день, 4 Марта, с утра стало известно, что работы на заводах остановились, и торговые магазины по требованию служащих закрыты. Требование предъявлялось к Казначейству и Земской Управе о прекращении занятий. В помещение Земской Управы явились рабочие и служащие и устроили там совещание, причем были избраны: совет рабочих депутатов и исполнительный комитет, первый в составе 30, а второй 15 человек.

В 7 часов вечера 4 числа рабочие, сопровождаемые многочисленной толпой, прибыли к зданию Городской Управы и открыли на улице митинг с участием г. Либерова. Председатель исполнительного Комитета и другие заявили мне, что избранные лица будут

руководить городскими делами, когда же я предложил им предъявить мне уполномочие от нового Правительства на такие действия, то они ушли из Городской Управы в 8 часов вечера и перешли в Земскую Управу для выработки плана дальнейших действий.

Представляя об этом Вашему Превосходительству, честь имею просить соизволить уведомить, обязан ли я подчиняться подобным требованиям совета рабочих депутатов или исполнительного Комитета» [18].

Несомненно, следует согласиться с мнением А.И. Деникина, что «демагогическая деятельность» Совета рабочих и солдатских депутатов тяготела «над волей и совестью Временного правительства» [19]. В Крыму советы были образованы в Севастополе, Симферополе, Керчи, Феодосии, Ялте, Карасубазаре (ныне Белогорск), Перекопе [20].

О весьма непростою характере взаимоотношений Таврического губернского комиссара с советами свидетельствует, в частности, обращение к нему Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов г. Симферополя от 29 июля 1917 г.: «Исполнительный комитета просит Вас сообщить о причинах издания Вами обязательного постановления о запрещении в городе митингов и собраний без оповещения о таковом готовящемся постановлении Исполнительного комитета» [21].

Из канцелярии комиссара 14 августа 1917 г. был направлен ответ следующего содержания: «Обязательное постановление о запрещении митингов и проч. Было издано утром 24 июля, в тот момент, когда в городе ожидалось крупные беспорядки, в связи с арестом муфтия, и когда надо было предпринимать экстренные и самые решительные меры к предотвращению таковых. Некогда было предварительно совещаться с кем бы то ни было, да и ясно было, что ни одна организация, стоящая на стороне свободы и порядка, ничего не возразила против этой меры.

С формальной же стороны надо сказать следующее: Губернский комиссар, согласно порядку, установленному общегубернскими съездами, всегда опирался в своих решениях не на Исполнительный комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, а на более широкую общегубернскую организацию – Исполнительное

бюро Губернского комитета, в которое входят представители от Исполнительного комитета, могла поэтому в тот момент возникнуть мысль только о заседании Исполнительного бюро по вопросу об издании обязательных постановлений. Она и возникла, но была, в виду спешности, оставлена» [22].

Для аппарата Губернского комиссара (как и целом по стране) был свойственен во многом декларативный характер решений актуальных управленческих задач. Объективные возможности его были крайне ограниченными особенно в силу набравших обороты процессов социальной деструкции.

В этом контексте процитируем крайне показательное обращение Таврического губернского комиссара в Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов г. Симферополя от 20 мая 1917 г.: «На обращенную ко мне просьбу Комитета о вызове в г. Симферополь находящегося ныне на действительной военной службе быв. Начальника жандармского управления полковника Мадатова, считаю необходимым сообщить, что выполнить эту просьбу я могу лишь при условии, если Комитет гарантирует, что Мадатов здесь не будет арестован, т.к. выписывать его в Симферополь для ареста я считаю неудобным. Если же Комитет все же ареста Мадатова считает неизбежным, то я рекомендовал бы о задержании и доставлении его сюда сообщить непосредственно в Штаб Одесского Военного Округа, в распоряжении которого он находится» [23].

Отсутствие идиллии во взаимоотношениях параллельных органов власти рельефно подтверждается еще одним интересным документом, а именно, жалобой управляющего именем Аскания-Нова Днепровского уезда, обращенной к Таврическому губернскому комиссару 25 мая 1917 г.: «6-го Мая с / года члены Херсонского Исполнительного комитета рабочих и солдатских депутатов забрали в экономии Аскания-Нова, согласно прилагаемого списка, винтовки, разного рода охотничьи ружья, револьверы и проч., принадлежащие владельцу имения, а равно принадлежности к этому оружию.

Считая отобрание этого оружия а в особенности охотничьего, неправильным, Управление имением имеет честь покорнейше

просить Ваше Превосходительство сделать распоряжение о возвращении такового экономии, если не всего, то хотя охотничьего, револьверов и проч.» [24].

Следствием управленческого кризиса стало усиление своеволия и анархии. Так, к осени 1917 года усилилась тенденция по захвату земельной собственности. В Феодосийском уезде крестьянами были захвачены земли помещика Фелинова, в Евпаторийском уезде – помещиков Шнейдера и Трещева, в деревне Мазанка Симферопольского уезда запахали земли помещика Семаковского [25].

Уникальным свидетельством о начале «окаянных дней» Тавриды является переписка Архиепископа Таврического и Симферопольского Димитрия (в схиме – Антония) (Абашидзе) с Таврическим губернским комиссаром Н. Богдановым, свидетельствующая о начале массового наступления исполкомов на имущественные права Православной церкви [26].

Кризис ощущался буквально повсюду: финансы, почта... Но особенно болезненным он был в вооруженных силах, чему в немалой степени поспособствовал печально известный «Приказ № 1» Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, который разрушил институт единоначалия и привел к подлинному хаосу в военном управлении.

Как свидетельствуют документы, «Севастопольская конвойная команда отказала в принятии дезертиров и уклоняющихся от отбывания воинской повинности новобранцев» [27], «пулеметная команда» г. Орехова ходатайствовала «прислать арестовать нашего начальника или же прислать кого-нибудь нам помогать в этом деле»... [28].

Главное управление по делам милиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан МВД Временного правительства 28 мая 1917 г. разослало губернским, областным и городским комиссарам циркуляр, в котором с тревогой отмечалось, что «в виду многочисленных случаев нарушения солдатами порядка судоходства на внутренних водных путях, захвата ими судов, самовольного изменения направления таковых и других насильственных действий, грозящих полным расстройством транс-

порту, Министерство Внутренних Дел предлагает Вам немедленно войти в сношение с местным Исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов, разъяснить ему чрезвычайную важность правильного использования водных путей, при существующем расстройстве [п]олезного [вод]ного транспорта и настоятельно просит принять меры к восстановлению порядка...» [29].

Фрагментированный и по сути парализованный государственный аппарат оказался не в состоянии противостоять усилению радикальных настроений и ответить на главный вопрос времени – вопрос всесторонней общественно-политической консолидации. В сложившихся реалиях назревавшая смена власти становилась неизбежной...

Выводы. Анализ многочисленных архивных материалов позволяет прийти к выводу, что процесс фрагментации власти явился одной из важнейших, если не ключевой причиной октябрьских революционных потрясений. Наряду с общим кризисом имперского государственного аппарата, важнейшим истоком этого феномена стала геополитическая катализация, опиравшаяся на обширную сеть «агентов влияния», в первую очередь, кайзеровской Германии. Абсолютной формой фрагментации стала Гражданская война, повлекшая разруху и миллионные жертвы. С другой стороны, переходный от Февраля к Октябрю 1917 г. период продемонстрировал, что местное самоуправление, в котором Временное правительство изначально видело свою опору, может быть понастоящему эффективным только в условиях сильной центральной власти, что подтвердил последующий опыт крымских краевых правительств, в целом более успешный, чем опыт аппарата Таврического губернского комиссара.

Источники и литература:

[1] Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма. Часть II. Крым в период Великой Октябрьской Социалистической революции, иностранной интервенции и Гражданской войны (1917 – 1920 г.). – Симферополь: Крымиздат, 1957. – 304 с.

[2] Федун В.В., Жуков В.И. Становление органов управления Временного правительства в Крыму (март-апрель 1917 г.) // Революция и Гражданская война 1917–1920 годов: новое осмысление: Материалы. – Симферополь: Крымский архив, 1995. – С. 98-99.

- [3] Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. – 2-е изд., испр. и доп. – Симферополь: АнтикВА, 2008. – 728 с.
- [4] Пашеня В.Н. Этнонациональное развитие в Крыму в первой половине XX века (1900-1945 гг.): Монография. – Симферополь, 2008. – 288 с.
- [5] Ишин А.В. Из истории деятельности органов Временного правительства в Таврической губернии (по архивным материалам) // Крымский Архив. – 2009. – № 11. – С. 51-59.
- [6] Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК). – Ф. Р-1615. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 77 об.
- [7] Деникин А.И. Очерки русской смуты. [В 3 кн.] Кн. 1. Т. 1. Крушение власти и армии (февраль-сентябрь 1917) / А.И. Деникин; предисл. А.С. Кручинина. – М.: Айрис-пресс, 2006. – С. 180.
- [8] Кудинов О. Реформа местного самоуправления Временного правительства России в 1917 г. // <http://emsu.ru>.
- [9] Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. – С. 100, 104.
- [10] ГАРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 109.
- [11] Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. – С. 100; ГАРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 129. Комитеты общественных организаций изначально формировались как демократическая опора власти комиссаров, заменивших губернаторов, и должны были выступать в качестве известного противовеса власти Советов (см.: История государства и права России / Отв. ред. Чибиряев С.А. – М., 1998 // <http://bestboy.narod.ru>).
- [12] ГАРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 22.
- [13] ГАРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 34.
- [14] ГАРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 40.
- [15] ГАРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 42 об.
- [16] ГАРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 20.
- [17] ГАРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 21.
- [18] ГАРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 93-94.
- [19] Деникин А.И. Указ. соч. – С. 175.
- [20] Крым: прошлое и настоящее / Отв. ред: С.Г. Агаджанов, А.Н. Сахаров / Институт истории СССР АН СССР. – М.: Мысль, 1988. – С. 56.
- [21] ГАРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 11.
- [22] ГАРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 12-12 об.
- [23] ГАРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 297-297 об.
- [24] ГАРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 342-342 об.
- [25] Надинский П.Н. Указ соч. – С. 32.
- [26] Подробнее см.: Ишин А.В. Указ соч. – С. 55-58.
- [27] ГАРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 165.
- [28] ГАРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 169.
- [29] ГАРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 338.